

«АНТИНОВГОРОДСКАЯ ВЕРСИЯ» ПОВЕСТВОВАНИЙ
О ПОХОДЕ НА НОВГОРОД 1170 г.¹

Победа новгородцев в феврале 1170 г. над суздальскими и союзными им войсками целого ряда княжеств нашла отражение в новгородской литературе в комплексе летописных и нелетописных нарративов XII–XV в. В связи с этой победой была прославлена икона Богородицы «Знамение», послужившая новгородцам защитой и палладиумом. В честь этого события был установлен праздник иконе, отмечаемый 27 ноября [Агафонов, 2013а; Агафонов, 2013б].

Однако не только победившая сторона зафиксировала эти события в целом ряде текстов. Свою версию представили летописцы, отразившие взгляд на них и со стороны противников новгородцев. Согласно Л. В. Дмитриеву, это «антиновгородская версия»: рассказы Лаврентьевской и Ипатьевской летописи [Дмитриев, с. 100–101]. В отличие от версии новгородской рассказ этих летописей не имеет значительной истории изучения. Данный нарратив упоминался в работах, посвященных летописанию второй половины XII – начала XIII в., но специально анализу не подвергался. Краткую характеристику повествованию дал в своей работе Л. В. Дмитриев [Дмитриев, с. 100–109], более подробно вышеупомянутые тексты в качестве исторического источника были рассмотрены Б. Н. Флорей [Флоря]. Тем не менее целый ряд текстологических проблем, связанных с этими повествованиями, еще ждут своего решения.

Прежде чем приступить к анализу этих нарративов, необходимо сказать о предыстории конфликта Новгорода с Андреем Боголюбским.

По свидетельству Ипатьевской летописи, в 1160 г. Андрей Боголюбский, прибыв в Волок Ламский, отправил послов в Новгород со словами: «хочю искати Новагорода. и добромъ и лихомъ. а хрсть цѣловали ко мнѣ на томъ ако имѣти мене княземъ собѣ, а мнѣ вамъ хотѣти [добра]»². Дальнейшие перипетии взаимных обвинений и развивающейся вражды подробно проанализированы Б. Н. Флорей [Флоря], который показал, что новгородцы, не желая конфликта с сильным суздальским князем, арестовывают сидевшего в Новгороде Святослава Ростиславича, сына киевского князя. Ипатьевская летопись при этом упоминает договор, заключенный между Новгородом и Киевом, о пожизненном княжении Святослава в Новгороде [Флоря, с. 296]. На новгородский стол восходит племянник Андрея Боголюбского Мстислав Ростиславич (сын Ростислава Юрьевича).

Однако вскоре, по данным Новгородской I летописи, «уладися Ростислав с Андрѣемъ о Новѣгородѣ»³, два сильнейших русских князя согласовали возвращение на новгородский стол Святослава. Таким образом, как подчеркивает Б. Н. Флоря, договор новгородцев с Ростиславом Мстиславичем возобновил свое действие. В 1166 г. этот договор был подкреплён в Луках, куда Ростислав прибыл специально для этого. Однако после смерти киевского князя в Новгороде начались волнения, вынудившие Святослава Ростиславича выехать в Луки и оттуда заявить новгородцам: «не хочю у вас княжити». Новгородцы, «цѣловавъше святую Богородицю»⁴, заявили, что не признают его своим князем, отменяя одну присягу («хрсть цѣловали») другой [Флоря, с. 297]. Несмотря на активное противодействие Андрея Боголюбского, новгородцы послали к новому киевскому князю Мстиславу Изяславичу «по сынѣ» и посадили у себя присланного Мстиславом Романа Мстиславича. Таким образом, прежний договор со Святославом вновь был

¹ Работа выполнена в рамках поддержанного РГНФ проекта № 13-04-00010.

² ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 509.

³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 31.

⁴ Там же. С. 32.

нарушен, из-за чего началась война. Святослава поддержали братья — смоленские князья и Андрей Боголюбский, по-видимому, являвшийся гарантом нарушенного договора. Так сложилась антиновгородская коалиция.

В ходе этой войны и были организованы поход на Новгород и его осада в 1170 г. Как отмечал Л. В. Дмитриев, «антиновгородская версия» повествует о событиях, акцентируя разорение новгородских земель, а также упрекает новгородцев в гордыне и непокорности [Дмитриев, с. 100—101]. Ученый констатировал, что антиновгородскую направленность имеют тексты, в число источников которых входили киевские и владими́ро-суздальские летописные своды [Дмитриев, с. 101, 108]. Тексты «антиновгородской» группы не упоминают чуда от иконы «Знамение» и, наряду с иной интерпретацией, содержат дополнительные фактические сведения.

Рассказы Лаврентьевской летописи (далее — Лавр) и Летописца Переяславля Суздальского, с одной стороны, и Ипатьевской летописи (далее — Ип) — с другой, безусловно, восходят к единому протографу, хотя и имеют отличия, составляющие две редакции рассказа.

В Лавр читается следующий текст:

«Тою же зимы князь Андрѣи посла сѣа своего Мстислава . съ всею дружиною на Великий Новгородъ . и Романъ Смолинскый князь . с братом Мъстиславом . и Рязанскый князь сѣа посла . и Муромскый сѣа же посла . и пришедше в землю ихъ много зла створиша . села вса взяша и пожгоша . и люди по селомъ искъоша . а жены и дѣти . имѣныя и скотъ поимаша . придоша же к городу Новгородци же затворишася в городѣ . съ княземъ Романомъ . и быяхуться крѣпко с города . и многы избиша ѿ наших и не оуспѣвше ничтоже городу ихъ възвратишася ꙗко . и двѣ дома своя ꙗша ꙗко ꙗко . а друзии люди помроша с голода . не быс бо николиже толь тѣжка пути людем симъ . друзии бо ѿ них и конину ꙗша в великое говѣны . се же быс за наши грѣхы слышахом бо преже трии лѣт бывшею знаменье Новѣгородѣ всѣм людемъ выдадимъ . в трех бо црквахъ Новгородскыхъ . плакала на трех иконахъ сѣа Бѣа . провидѣвши бо мѣи Бѣа пагубу хоташю быти . надъ Новымъгородом и надъ ѣго волостью . молашеть сѣа своего со слезамѣи . дабы ихъ ѿтинудь не искоренилъ . ꙗкоже преже . Содомы и Гоморы . но ꙗко Ниневгитанѣи помилюеть . ꙗкоже и быс . ꙗкоже бо Бѣи и мѣи Бѣа . избави ꙗко мстью своею . зане хрстыане суть . наказана накази ма реч Гси . а смрти не предаждь мене . ꙗко Дѣдъ . тако и сѣа людѣи Новгородскыа наказана Бѣи . и смѣри а дождь за преступленье крстоу . и за гордость ихъ наведе на ны . и мстью своею избави град ихъ . не глѣм же прави суть Новгородци . ꙗко издавна суть свобожени Новгородци прадѣды князь наших но аще бы тако было то велѣли ли имъ преднии князи крсть преступити или внуки . или правнукы . соромлати . а крсть чстныи цѣловавше . ко внуком ихъ . и к правнукомъ . то преступати . то доколь Бѣи терпѣти над нами . за грѣхы навель . и наказаль по достоѣанию . рукою блговѣрнаго князя Андрѣа»⁵.

Разночтения с Летописцем Переяславля Суздальского малозначимы, исключением является утверждение, что князь смоленский Роман «сына посла», в то время как и в Лавр, и в Ип говорится, что он идет с братом Мстиславом: «Тою же зимы князь Андрѣи посла сѣа своего Мъстислава съ всею дружиною на Великий Новгородъ и Романъ, князь Смоленский, сѣа посла, и Муромский князь сѣа посла»⁶. Возможно, более поздний редактор или переписчик написал это по аналогии с посылкой сыновей другими участниками похода. Впрочем, не исключено, что здесь пропущена строка⁷ по невнимательности переписчика.

Ип же имеет и более существенные отличия:

«Въ лѣт . ꙗкоже . Ходи Романъ . Ростиславичъ . съ братомъ Мъстиславомъ . Андрѣи же посла сѣа Мъстислава . со всею дружиною . и со всеми полкы Ростовскыи . и Суждальскыи . и

⁵ ПСРЛ. Л., 1928. Т. 1. Стб. 361—362.

⁶ Летописец Переяславля-Суздальского / Изд. К. М. Оболенским. М., 1851. С. 79—80.

⁷ Между «князь Смоленскыи» и «сѣа посла».

Рязаньскыѣ князи посла и Муромьскыи князь посла . с полкы . и Бориса Жирославича . воеводу же своего на Романа на Мьстиславича . къ Великому Новгороду . и толико быс множество и вой . ако и числа нѣтуть . и пришедше толко в землю ихъ . много зла створиша . села взяша и пожьгоша . и люди исѣкоша . а жены и дѣти имѣниа взяша . и скоты поимаша . и придоша же къ городу . Новгородѣи же затворишася в городѣ со княземъ Романомъ . и бѣхуться крѣпко из города полци же пришедше сташа далече города . и приходяще полци бѣхуса крѣпко оу города . Мьстиславъ же бѣ вѣхавъ ворота и пободъ мужей нѣколько , возвратися впять къ своимъ . быс же моръ великъ въ конѣхъ и въ полкохъ . и нѣ оупѣша ничтоже городу ихъ . и възвратишася впять въ свояси . и двѣ дома своя . доѣхаша пѣши . а друзии людѣ помроша з голода . и не быс бо николиже толь тажка пути людемъ симъ . друзии бо ѿ нихъ и конину ѣдоша . и въ великое говение се быс за наша грѣхы . слышахомъ преже трѣи лѣтъ . бывшее знамение в Новѣгородѣ всимъ людемъ выдадимъ . въ трѣхъ бо црѣвахъ Новгородьскыхъ . плакала . на трехъ иконахъ стѣа Бѣа видѣвши бо Мѣи Бѣиа пагубу хоташюу быти надъ Новымъгородомъ . и надъ его волостью . молашеть бо . снѣ своего со слезами . абы ихъ ѿинудъ не искоренилъ . ѿкоже преже Содома и Гомора . но ѿко Ниневѣгитаны помилова ѿкоже и быс видномо бо Бѣи и Мѣи Бѣиа избави мстыю своею . зане хстыанѣ суть пишеть бо глѣ Двдъ . наказанѣ накажи ма . рече Гси . смрти не предаи мене . тако и снѣ люди Новѣгородьскыа . наказавъ и смири ѿ до зѣла . за преступление крстыное . и за гордость ихъ . наведи на на . мстыю своею . избави град ихъ . не глѣмъ же прави суть Новѣгородци . прадѣдъ (вар. — прадѣди) князь нашихъ . но злое невѣрствие в нихъ вкоренилоса . крсты къ княземъ преступати и князь внуки и правнуки . вбеществовати . и соромлати . а крсты чстыни к нимъ цѣловавши преступати . то доколѣ Гсви терпѣти над ними за грѣхы навель . и наказа по достоанью рукою блговѣрнаго княза Андрѣа»⁸.

Как можно видеть, при перечислении войск, посланных на Новгород союзом князей, указывается, что Мстислав Андреевич идет не только с дружиной, но и с ростовскими и суздальскими полками: «Андрѣи же посла снѣ Мьстислава . со всею дружиною . и со всеми полкы Ростовьскыи». Первыми в списке нападающей стороны названы Ростиславичи, а не Мстислав Андреевич: «Ходи Романъ . Ростиславичъ . съ братомъ Мьстиславомъ . Андрѣи же посла снѣ...». Эти особенности выдают руку южно-русского летописца, который расставляет акценты соответственно со своими интересами. М. Д. Присѣлков, в частности, полагал, что Киевская летопись — одна из составляющих Ип — использовала в качестве вспомогательного источника «семейную хронику Ростиславичей» [Присѣлков, с. 88–89]⁹. Кроме акцентации интересов Ростиславичей (ведь именно их брата Святослава изгнали новгородцы) иной порядок перечисления мог быть связан с логикой старшинства: Роман и Мстислав возглавили полки самостоятельно, в то время как все остальные, согласно Ип, «посланы» Андреем Боголюбским.

Ип содержит фактический материал, которого нет в Лавр, с большими подробностями передается ход событий. Так, отмечается величина войск: «и толико быс множество и вой . ако и числа нѣтуть». Читается отсутствующий в Лавр текст: «полци же пришедше сташа далече города . и приходяще полци бѣхуса крѣпко оу города . Мьстиславъ же бѣ вѣхавъ ворота и пободъ мужей нѣколько , возвратися впять къ своимъ . быс же моръ великъ въ конѣхъ и въ полкохъ». Какой Мстислав здесь имеется в виду — не известно, но, поскольку эту подробность сократили во Владимирском своде, скорее, речь шла о Мстиславе Ростиславиче. Кроме того, как отмечалось, Ростиславичам в этом варианте повествования уделено особое внимание. На месте этого добавочного текста Ип в Лавр читается: «и многы избиша ѿ наших».

⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 560–561.

⁹ Правда, исследователь отмечал следы этих записей несколько позже — с 1172 г.

Есть здесь и деталь, дополняющая рассказ Лавр, которая касается владими́ро-суздальских сил: отдельно назван воевода князя Андрея Борис Жидиславич.

Таким образом, определить первичность версий — Лавр или Ип — весьма затруднительно. Возможно, обе версии представляют по-разному отредактированный общий протограф.

Очевидно, что мы имеем картину, весьма отличную от новгородской версии. Описаны разорение Новгородских земель, бедствия союзнических войск по пути домой. Бедствия и поражение в битве под Новгородом представлены как плата за грехи. Тема грехов тут вообще доминирует — новгородцы наказаны нашествием за гордыню, но, «зане хрестьяне суть», милостью Богородицы избавлены от разорения города. Какие грехи навлекли бедствия на их противников — не ясно.

Причиной похода на Новгород объявляется нарушение новгородцами договора о пожизненном княжении Святослава: хотя новгородцам и дано право «свободы в князьях», эта свобода не освобождает их от верности крестоцелованию. Таким образом, подразумевается, что Андрей Боголюбский, являясь гарантом вышеупомянутого соглашения, предпринял поход на Новгород, дабы восстановить права Святослава Ростиславича.

Особый интерес вызывает то, что в тексте, читающемся в Лавр и Ип, имеется мотив знамения, но не повторяющий сюжет новгородской версии. Здесь говорится о трех плачущих богородичных иконах. Идентифицировать их весьма сложно — новгородские летописи не содержат подобной информации за предыдущие десять лет. Не исключено, что пролить свет на источник и объяснить появление этого мотива может помочь поиск аналогий в других русских и византийских военных повестях.

Есть существенные отличия в Лавр и Ип и в заключительной сентенции:

Лавр:

не глѣм же прави суть Новгородци . ꙗко издавна
суть свобожени Новгородци прадѣды князь
наших но аще бы тако было то велѣли ли имъ
преднии князи крсть преступити или внукуы .
или правнукуы . соромлати

Ип:

не глѣмъ же прави суть Новгородци . прадѣдъ
(вар. — прадѣди) князь нашихъ . но злое
невѣрствие в нихъ вкоренилоса . крсть къ
княземъ преступати и князѣ внукуы и прав-
нукуы . вбеществовати . и соромлати.

Не вызывает сомнения, что текст Ип имеет несогласованности и не до конца ясен. Б. Н. Флоря обратил внимание на сходные упреки новгородцев в «неверности» (то есть по сути дела в предательстве), вложенные в уста дружины Святослава Ростиславича (в тексте ошибочно — Ярославича), — как реакцию на весть о том, что новгородцы что-то замышляют против князя (статья 1167 г.) О новгородцах говорится, что они «невѣрнии суть всегда. ко всимъ кнзѣмъ»¹⁰. Ученый объяснил нарушение последовательности текста в дидактической сентенции рассказа Ип о событиях 1170 г. попыткой вставки в нее слов, заимствованных из этой речи дружинников Святослава [Флоря, с. 299]. Представляется, что для трактовки данной части фразы как собственно вставки текстуальной общности недостаточно, но общность смысловая, безусловно, прослеживается. Таким образом, нарушение смысла фразы объясняется попыткой киевского сводчика усилить негативную характеристику новгородцев.

В Троицкой летописи, судя по выпискам М. Н. Карамзина, читалась повесть в варианте Лавр (М. Н. Карамзин привел лишь заключительную дидактическую сентенцию¹¹).

Вопреки мнению Л. В. Дмитриева (не подкрепившего его текстологическими выкладками) [Дмитриев, с. 109], Московский свод 1479 г. (далее — МС), Софийская I младшего извода

¹⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 537.

¹¹ Присѣлков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. Л., 1956 (2-е изд. — СПб., 2002). С. 249.

(далее — СІмл) и Воскресенская летописи представляют текст, аналогичный Лавр: первым назван Мстислав Андреевич, упомянута только княжеская дружина, дидактическая часть прозрачна, въезд Мстислава в городские ворота не упомянут. Кроме несущественных разночтений вроде замены слов и фраз синонимичными, в МС (и Воскресенской летописи) немного изменена только заключительная фраза, где вместо «...за грѣхы навель . и наказаль по достоянью . рукою блговѣрнаго княза Андрѣя»¹² читается: «но наводитъ сиа грѣхъ ради наших и по достоянью нашему наказуетъ нас»¹³, что, видимо, актуализировало «мораль» для читателя в XV в., переводя ее в более общий план. Вместе с тем важным штрихом является то, что в МС (и Воскресенской летописи) князь рязанский (пославший сына) назван по имени — Глеб, чего нет в ранних летописях. Такое уточнение имени еще одного Ростиславича, войска которого приняли участие в походе, скорее всего, было плодом эрудиции позднего редактора, но иное происхождение (из протографа, имевшего эту деталь) нельзя исключать. СІмл повторяет Лавр практически без разночтений.

В Ермолинской летописи читается сокращенный вариант — без ряда подробностей и заключительных оценок: «В лѣто 6678... Тоя же зимы князь Андрѣи Юрьевич посла сына своего Мстислава на Великии Новѣградъ, съ нимъ же Рязаньскаго князя сынъ и Муромъскаго и Смоленскии князь (вар. — князи) Романъ и Мстиславъ; идущи много зла створиша и приидоша ко граду, а в немъ затворися с Новгородци Романъ Мстиславичъ Изяславичъ. И не успѣвше граду ничсоже, но язву приимше, възвратишася, и бысть имъ тяжекъ путь тѣи, яко мнози з голоду перемроша, а инии лошадину ѣли в Великое говѣино»¹⁴.

Та же картина в Своде 1497 г. и Уваровской (свод 1518 г.) летописи, а также во Львовской летописи. Иными словами, летописи конца XV — первой половины XVI в., использовавшие в качестве протографов Лавр и промежуточные, восходящие к ней тексты, имеют тенденцию к сокращению, не включая в сообщение всю дидактическую часть или опуская ее фрагменты: рассуждения о вине новгородцев, библейские аллюзии, мотив наказания за грехи — как нападающей стороны, так и осаждаемой.

Это может быть простым сокращением текста, но может являться и сознательным устранением не представляющей себя необходимой части повествования ввиду потери актуальности суздальско-новгородского противостояния.

Литература

Агафонов И. С. Новгородское чудо от иконы «Знамение»: иконография и литературные тексты // Духовно-нравственные основы памятников письменности: традиции и перспективы. Материалы международной научной конференции. М., 2013. С. 162–169. (Агафонов, 2013а)

Агафонов И. С. Знаменское чудо в раннем новгородском летописании: влахернские традиции // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 4 (54). С. 5–11. (Агафонов, 2013б)

Дмитриев Л. А. Житийные повести русского севера как памятники древнерусской литературы XII–XVII вв. Л., 1973.

Присёлков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996.

Флоря Б. Н. Новгород и князья в XII в. // Великий Новгород и средневековая Русь. М., 2009.

¹² ПСРЛ. Т. 1. С. 361.

¹³ ПСРЛ. М., 1949. Т. XXV. С. 81–82; ПСРЛ. СПб., 1856. Т. 7. С. 87.

¹⁴ ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23. С. 48.